

ИММАНИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН

Орел пошел на аварийную посадку

Наступил конец *Pax Americana*. Вызовы — от Вьетнама и Балкан до Ближнего Востока и 11 сентября — показали пределы американского превосходства. Сумеют Соединенные Штаты тихо уйти, или же американские консерваторы станут сопротивляться и тем самым превратят постепенное угасание в быстрый и опасный упадок?

Соединенные Штаты в упадке? Немногие сегодня согласились бы с этим утверждением. На это идут лишь американские ястребы, которые крикливо выступают за политику предотвращения упадка. Это убеждение, что конец американской гегемонии близок, не следует из уязвимости, которая стала очевидной для всех 11 сентября 2001 года. На самом деле Соединенные Штаты с 1970-х годов стали угасать как мировая держава, а американский ответ на террористические нападения только ускорил этот упадок. Чтобы понять, почему так называемый *Pax Americana* находится в упадке, необходимо рассмотреть геополитику двадцатого века, особенно последних трех десятилетий. Такое занятие приводит к простому и неизбежному выводу: экономические, политические и военные факторы, способствовавшие американской гегемонии, суть те же факторы, которые неумолимо будут вести США к упадку.

Начало гегемонии

Приход Соединенных Штатов к глобальной гегемонии был длительным процессом, начало которому было положено мировым спадом 1873 года. Тогда Соединенные Штаты и Германия стали овладевать все большей долей мировых рынков, преимущественно за счет неуклонно отступавшей британской экономики. Обе нации недавно обрели прочную политическую основу — Соединенные Штаты, успешно завершив Гражданскую войну, а Германия, добившись объединения и победив Францию в франко-прусской войне. С 1873 по 1914 год Соединенные Штаты и Германия стали основными производителями в ряде ведущих секторов: Соединенные Штаты — в сталелитейной, а позднее в автомобильной промышленности, а Германия — в химической промышленности.

В работах по истории пишут, что Первая мировая война вспыхнула в 1914 году и завершилась в 1918 году, а Вторая мировая война продолжалась с 1939 по 1945 год. Однако разумнее считать их одной непрерывной «тридцатилет-

ней войной» между Соединенными Штатами и Германией с перемириями и локальными конфликтами, происходившими в промежутках между ними. Борьба за преэминентность гегемонии приняла идеологический оборот в 1933 году, когда в Германии к власти пришли нацисты и попытались овладеть всем миром, стремясь не к гегемонии в рамках существующей системы, а скорее к мировой империи. Вспомним нацистский лозунг *ein tausendjähriges Reich* (тысячелетняя империя). В свою очередь, Соединенные Штаты взяли на себя роль защитника мирового центристского либерализма — вспомним «четыре свободы» бывшего американского президента Франклина Делано Рузвельта (свобода слова, свобода поклоняться богу по-своему, свобода от нищеты и свобода от страха) — и заключили стратегический союз с Советским Союзом, что сделало возможным поражение Германии и ее союзников.

Итогом Второй мировой войны стало колоссальное разрушение инфраструктуры и городов на всей территории Евразии — от Атлантического до Тихого океанов, — которое затронуло почти все страны. Единственной в мире крупной промышленной державой, которая осталась невредимой — и даже значительно усилилась с экономической точки зрения, были Соединенные Штаты, стремительно начавшие закреплять свое положение.

Но честолюбивый гегемон на деле столкнулся с рядом политических препятствий. Во время войны страны-союзники договорились об учреждении Организации Объединенных Наций, которая первоначально состояла из стран-участниц коалиции против держав Оси. Основной особенностью организации был Совет Безопасности, единственная структура, которая могла санкционировать применение силы. Поскольку Устав ООН давал каждой из пяти держав, включая Соединенные Штаты и Советский Союз, право вето, на практике Совет оказался практически безжизненным. Поэтому геополитические ограничения во второй половине двадцатого столетия определялись не основанием Организации Объединенных Наций в апреле 1945 года, а скорее ялтинской встречей Рузвельта, британского премьер-министра Уинстона Черчилля и советского вождя Иосифа Сталина двумя месяцами ранее.

Официальные соглашения в Ялте были не так важны, как неофициальные, не озвученные соглашения, которые можно оценить, лишь наблюдая за поведением Соединенных Штатов и Советского Союза в последующие годы. Когда 8 мая 1945 года война в Европе закончилась, советские и западные (то есть американские, британские и французские) войска заняли определенные позиции — преимущественно вдоль линии, проходящей через центр Европы, которая стала называться линией Одер-Нейсе. Если не считать некоторых незначительных корректировок, там они и остались. Оглядываясь в прошлое, Ялта означала согласие обеих сторон, что они могут находиться там, и ни одна из сторон не прибегнет к силе для вытеснения другой. Это молчаливое согласие применимо также и к Азии, что ясно показали американская оккупация Японии и разделение Кореи. Поэтому в политическом отношении Ялта была соглашением о статус-кво, по которому Советский Союз контролировал приблизительно треть мира, а Соединенные Штаты — оставшуюся часть.

Вашингтон также столкнулся с более серьезными военными вызовами. Советский Союз обладал самой большой в мире армией, тогда как американское правительство испытывало давление со стороны населения, требовав-

шего сокращения армии и особенно отмены призыва. Поэтому Соединенные Штаты решили доказать свою военную мощь не численностью армии, а монополией на ядерное оружие (а также на военно-воздушные силы, способные осуществить его развертывание). Вскоре эта монополия была утрачена: к 1949 году Советский Союз также разработал ядерное оружие. С тех самых пор Соединенные Штаты ограничивались стремлением не допустить приобретения ядерного оружия (а также химического и биологического) другими державами, стремлением, которое в двадцать первом веке не кажется особенно удачным.

Вплоть до 1991 года Соединенные Штаты и Советский Союз сосуществовали в условиях «равновесия устрашения» холодной войны. Этот статус-кво всерьез подвергался проверке на прочность только три раза: во время блокады Берлина в 1948-1949 годах, во время войны в Корее в 1950-1953 годах и во время Карибского кризиса 1962 года. Каждый раз в итоге происходило восстановление статус-кво. Кроме того, заметим, что всякий раз, когда Советский Союз сталкивался с политическими кризисами у своих стран-сателлитов (Восточной Германии в 1953 году, Венгрии в 1956 году, Чехословакии в 1968 году и Польши в 1981 году), Соединенные Штаты не прилагали особых пропагандистских усилий, давая Советскому Союзу возможность в значительной степени вернуться к прежнему состоянию.

Разумеется, такая пассивность не распространялась на экономическую сферу. Соединенные Штаты нажились в условиях холодной войны, приложив значительные усилия к экономической реконструкции сначала Западной Европы, а затем Японии (а также Южной Кореи и Тайваня). Причина очевидна: какой был прок от обладания таким подавляющим превосходством в сфере производства, если остальной мир не в состоянии обеспечить платежеспособный спрос? Кроме того, экономическая реконструкция способствовала возникновению клиентских обязательств со стороны стран, получавших от США помощь; это чувство признательности стимулировало готовность вступать в военные союзы и — что еще более важно — политическую зависимость.

Наконец, не следует недооценивать идеологическую и культурную составляющие американской гегемонии. Период, наступивший сразу после окончания Второй мировой войны, возможно, был исторической кульминацией популярности коммунистической идеологии. Мы часто забываем сегодня множество голосов, отдававшихся за коммунистические партии на свободных выборах в странах, вроде Бельгии, Франции, Италии, Чехословакии и Финляндии, не говоря уже о поддержке, которую коммунистические партии получали в Азии — во Вьетнаме, Индии и Японии — и по всей Латинской Америке. И это не считая стран, вроде Китая, Греции и Ирана, где свободные выборы не проводились или были ограниченными, но коммунистические партии пользовались широкой поддержкой. В ответ Соединенные Штаты бросили все силы на широкое антикоммунистическое идеологическое наступление. Ретроспективно этот шаг кажется весьма успешным: Вашингтон выдавал себя за лидера «свободного мира» не менее эффективно, чем Советский Союз, провозглашавший себя лидером «прогрессивного» и «антиимпериалистического» лагеря.

Один, два, много Вьетнамов

Успех Соединенных Штатов как ведущей державы в послевоенный период создал условия утраты национальной гегемонии. Этот процесс выразился в четырех символах: вьетнамской войне, революции 1968 года, падении берлинской стены в 1989 году и террористических атаках в сентябре 2001 года. Каждый последующий символ надстраивался на предыдущий, достигнув высшей точки в ситуации, когда Соединенные Штаты теперь обрели себя — единственная сверхдержава, которой не хватает подлинной власти, мировой лидер, за которым никто не идет и которого мало кто уважает, и нация, угрожающе дрейфующая посреди глобального хаоса, с которым она не в состоянии справиться.

Чем была вьетнамская война? Прежде всего, она была попыткой вьетнамского народа покончить с колониальным правлением и основать собственное государство. Вьетнамцы сражались с французами, японцами и американцами, и в итоге вьетнамцы победили — на деле, весьма успешно. Однако, с геополитической точки зрения, война представляла собой непризнание ялтинского статус-кво народами стран, называвшихся тогда третьим миром. Вьетнам стал таким ярким символом, потому что Вашингтон был настолько глуп, чтобы бросить в борьбу все свои военные силы, но Соединенные Штаты, тем не менее, проиграли. Действительно, Соединенные Штаты не применили ядерное оружие (решение, долгое время потом критиковавшееся близорукими группами правых), но его применение разрушило бы ялтинские соглашения и могло бы привести к ядерному холокосту — последствия, на которые Соединенные Штаты просто не могли пойти.

Но Вьетнам был не просто военным поражением или падением американского престижа. Основной удар война нанесла по статусу Соединенных Штатов как ведущей мировой экономической державы. Конфликт был крайне затратным и почти целиком исчерпал американские золотые запасы, в огромном объеме накопленные с 1945 года. К тому же, Соединенные Штаты несли эти издержки тогда, когда Западная Европа и Япония переживали серьезный экономический подъем. Такие обстоятельства положили конец американскому первенству в мировой экономике. Начиная с конца 1960-х годов, участники этой триады в экономическом отношении были почти равны, и если кто-то на некоторое время вырвался вперед, то совсем не далеко.

Когда по всему миру вспыхнули революции 1968 года, поддержка вьетнамцев стала основной риторической составляющей. «Один, два, много Вьетнамов» и «Хо, Хо, Хо Ши Мин» многие тогда пели на улицах, не в последнюю очередь в Соединенных Штатах. Но участники революций 1968 года осуждали не только американскую гегемонию. Они осуждали советский сговор с Соединенными Штатами, они осуждали Ялту, причем они использовали или адаптировали язык китайских культурных революционеров, деливших мир на два лагеря — две эти сверхдержавы и остальной мир.

Осуждение советского сговора логически вело к обвинению тех национальных сил, которые тесно сотрудничали с Советским Союзом, представленных в большинстве случаев традиционными коммунистическими партиями. Но революционеры 1968 года набросились и на другие составные части старой ле-

вой — национально-освободительные движения в странах третьего мира, социал-демократические движения в Западной Европе и демократов «Нового курса» в Соединенных Штатах, — также обвиняя их в сговоре, но уже с тем, что революционеры называли общим понятием «американский империализм».

Нападки на советский сговор с Вашингтоном и на старую левую привели к дальнейшему ослаблению легитимности ялтинских договоренностей, в соответствии с которыми Соединенные Штаты выстраивали мировой порядок. Также было подорвано положение центристского либерализма как единственной легитимной мировой идеологии. Непосредственные политические последствия мировых революций 1968 года были весьма незначительны, но геополитические и интеллектуальные последствия были огромными и необратимыми. Центристский либерализм был сброшен с трона, который он занимал со времен европейских революций 1848 года, что позволяло ему копировать как консерваторов, так и радикалов. Эти идеологии вернулись и вновь предложили подлинную гамму выборов. Консерваторы опять стали консерваторами, а радикалы — радикалами. Центристские либералы не исчезли, но их влияние значительно уменьшилось. И в ходе этого официальная идеологическая позиция Соединенных Штатов — антифашистская, антикоммунистическая, антиколониалистская — все большему числу народов казалась слабой и неубедительной.

Беспомощная сверхдержава

Начало международной экономической стагнации в 1970-х годах имело два важных последствия для американского могущества. Во-первых, стагнация привела к краху «идеи развития» — представления о том, что каждая нация может наверстать упущенное в экономическом отношении, если государство предпримет соответствующие действия, — которая было основным идеологическим требованием движений старой левой, находившихся тогда у власти. Один за другим эти режимы сталкивались с разладом внутри своих стран, падением уровня жизни, ростом долговой зависимости от международных финансовых учреждений и ослаблением доверия. То, что казалось в 1960-х успешным управлением деколонизацией третьего мира со стороны Соединенных Штатов — минимизация тенденций распада и максимизация мирной передачи власти режимам, которые выступали за развитие, но не были революционными, — уступило место распаду порядка, бурлящему недовольству и ни на что конкретно не направленным радикальным настроениям. Попытка же вмешательства Соединенных Штатов потерпела провал. В 1983 году американский президент Рональд Рейган отправил войска в Ливан для восстановления порядка. По сути, войска были изгнаны. Он компенсировал это вторжением в Гренаду, страну, не имевшую армии. Президент Джордж Буш-старший вторгся в Панаму, еще одну страну без армии. Но после того как он вмешался для восстановления порядка в Сомали, Соединенные Штаты в сущности были с позором изгнаны. Поскольку американское правительство на самом деле мало что могло сделать, чтобы предотвратить тенденцию упадка гегемонии, оно предпочло просто эту тенденцию игнорировать — политика, преобладавшая с момента ухода из Вьетнама до 11 сентября 2001 года.

Между тем, подлинные консерваторы начали брать на себя управление ключевыми государствами и межгосударственными учреждениями. Неoliberalное наступление 1980-х ознаменовалось режимами Тэтчер и Рейгана и появлением Международного валютного фонда (МВФ) в качестве основного участника на международной арене. Как когда-то (больше века) консервативные силы пытались выдавать себя за более благоразумных либералов, так теперь центристские либералы вынуждены были доказывать, что они — более эффективные консерваторы. Консервативные программы были ясны. В своих странах консерваторы пытались проводить политику, которая привела бы к уменьшению стоимости труда, минимизации внешних ограничений для производителей и сокращению государственных социальных выплат. Действительные успехи были невелики, поэтому консерваторы решительно вышли на международную арену. Заседания Всемирного экономического форума в Давосе стали основой для встреч элиты и средств массовой информации. МВФ превратился в клуб министров финансов и управляющих центральными банками. А Соединенные Штаты настаивали на создании Всемирной торговой организации, чтобы коммерческие потоки не зависели от государственных границ.

Пока Соединенные Штаты занимались своими делами, Советский Союз разрушался. Да, Рональд Рейган окрестил Советский Союз «империей зла» и прибежал к риторической помпезности, призывая разрушить берлинскую стену, но Соединенные Штаты на самом деле ничего такого в виду не имели и, конечно же, они не несут ответственность за крушение Советского Союза. В действительности, Советский Союз и его восточноевропейская имперская зона рухнули из-за народного разочарования в старой левой в сочетании с усилиями советского лидера Михаила Горбачева, направленными на спасение своего режима путем отмены Ялты и начала либерализации внутри страны (перестройка плюс гласность). Горбачев успешно ликвидировал Ялту, но не спас экономику Советского Союза (хотя он сделал почти все, о чем говорил).

Соединенные Штаты были ошеломлены и озадачены внезапным крахом, не знали, что делать дальше. Крушение коммунизма на деле означало крушение либерализма, лишившее американскую гегемонию единственного идеологического оправдания, оправдания, молчаливо поддерживавшегося открытым идеологическим противником либерализма. Эта утрата легитимности напрямую привела к иракскому вторжению в Кувейт, на которое иракский лидер Саддам Хусейн никогда бы не осмелился, если бы ялтинские соглашения были в силе. Ретроспективно американские успехи во время войны в заливе по существу вернули все к исходному состоянию. Но может ли господствующая держава быть удовлетворена ничьей в войне с второсортной региональной державой? Саддам показал, что можно было воевать с Соединенными Штатами и оставаться при этом безнаказанным. Дерзкий вызов Саддама вызвал еще большую шумиху среди американских правых, особенно среди тех, кто были известны как ястребы, нежели поражение во Вьетнаме, чем и объясняется их нынешнее желание вторгнуться в Ирак и уничтожить его режим.

Между войной в заливе и 11 сентября 2001 года двумя основными аренами мирового конфликта были Балканы и Ближний Восток. Соединенные Штаты играли важную дипломатическую роль в обоих регионах. Оглядыва-

ясь в прошлое, насколько иными были бы результаты, если бы Соединенные Штаты заняли полностью изоляционистскую позицию? На Балканах преуспевавшее в экономическом отношении многонациональное государство (Югославия) распалось, по сути, на свои составные части. Более десяти лет основная масса возникших в результате распада государств была занята процессом этнического обособления, став ареной грубого насилия, широких нарушений прав человека и открытых войны. Внешнее вмешательство, наиболее заметным участником которого были Соединенные Штаты, привело к заключению перемирия и прекращению наиболее вопиющего насилия, но оно вовсе не остановило процесс этнического обособления, который теперь усилился и до некоторой степени легитимировался. Закончились ли бы эти конфликты иначе, не участвуй в них Америка? Насилие могло бы продолжаться еще дольше, но основные результаты едва ли были бы иными. На Ближнем Востоке, где американское участие, пожалуй, было более глубоким, а провалы его — еще более впечатляющими, картина удручает еще сильнее. На Балканах, как и на Ближнем Востоке, Соединенные Штаты не сумели оказать эффективного гегемонистского влияния, причем не из-за недостатка воли или стремления, а из-за недостатка действительного могущества.

Ястребы на воле

Затем наступило 11 сентября — потрясение и ответная реакция. Под огнем со стороны американских законодателей Центральное разведывательное управление (ЦРУ) теперь заявляет, что оно предупреждало администрацию Буша о возможных угрозах. Но, несмотря на то что ЦРУ сосредоточилось на аль-Каиде и обработке разведывательной информации, оно не смогло предсказать (и, следовательно, предотвратить) нанесения террористических ударов. Так, по крайней мере, говорит директор ЦРУ Джордж Тенет. Такое заявление едва ли может утешить правительство Соединенных Штатов или американский народ. Что бы ни решили историки, нападения 11 сентября 2001 года стали серьезным вызовом американскому могуществу. Лица, ответственные за них, не были представителями крупной военной державы. Они были членами негосударственной военизированной организации с высокими устремлениями, определенными финансовыми средствами, преданными сторонниками и мощной базой в одном слабом государстве. Короче говоря, в военном отношении они ничего собой не представляли. И все же им удалось нанести дерзкий удар по территории Соединенных Штатов.

Джордж Буш-младший пришел к власти на волне критики международной политики администрации Клинтона. Буш и его советники не признают, но, несомненно, понимают, что линия поведения Клинтона была той же, что и у остальных американских президентов со времен Джеральда Форда, включая Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего. Таким же был курс и нынешней администрации Буша до 11 сентября. Достаточно вспомнить то, как Буш уладил вынужденную посадку американского самолета в Китае в апреле 2001 года, чтобы понять, что главным было благоразумие.

После нападений террористов Буш изменил курс, провозгласив войну с терроризмом, уверив американский народ, что «исход не вызывает никаких

сомнений», и сообщив миру, что «либо вы с нами, либо против нас». Долгое время разочаровываемые даже самыми консервативными американскими администрациями, в американской политике, наконец, стали господствовать ястребы. Их позиция ясна: Соединенные Штаты обладают подавляющей военной мощью, и даже если многочисленные иностранные лидеры считают, что Вашингтону неразумно играть своими военными мускулами, те же самые лидеры не смогут ничего сделать (и не сделают), если Соединенные Штаты просто будут навязывать свою волю остальным. Ястребы полагают, что Соединенные Штаты должны действовать как имперская держава по двум причинам: во-первых, Соединенным Штатам за это ничего не будет. А во-вторых, если Вашингтон не покажет свою силу, Соединенные Штаты постепенно отойдут на второй план.

Сегодня ястребиная позиция выражается тремя следующими обстоятельствами: военным нападением в Афганистане, *de facto* поддержкой израильской попытки ликвидировать палестинские власти и вторжение в Ирак, которое, как сообщают, находится на этапе военных приготовлений. По прошествии года после сентябрьских террористических атак, возможно, слишком рано оценивать то, каким будет итог этих стратегий. К настоящему времени эти схемы привели к свержению Талибана в Афганистане (без окончательного уничтожения аль-Каиды или поимки ее высшего руководства); множеству разрушений в Палестине (без признания палестинского лидера Ясира Арафата «неподходящим», как сказал о нем израильский премьер-министр Ариэль Шарон); и резкому неприятию планов вторжения в Ирак со стороны американских союзников в Европе и на Ближнем Востоке.

В трактовке недавних событий ястребами особое значение придается тому, что неприятие американских действий, хотя и было решительным, но осталось в значительной мере на словах. Ни Западная Европа, ни Россия, ни Китай, ни Саудовская Аравия оказались не готовы к серьезному разрыву отношений с Соединенными Штатами. Иными словами, ястребы полагают, что Вашингтону действительно все сходит с рук. Ястребы уверены, что то же самое произойдет, когда американские войска вторгнутся в Ирак, а затем, когда Соединенные Штаты покажут свою силу где-то еще, будь то в Иране, Северной Корее, Колумбии или, возможно, в Индонезии. По иронии судьбы, трактовка ястребов почти полностью совпадает с трактовкой международной левой, которая визжала по поводу американской политики — в основном из-за страха, что шансы американцев на успех высоки.

Но трактовки ястребов ошибочны и лишь способствуют упадку Соединенных Штатов, превращая постепенное скатывание вниз в куда более стремительное и бурное падение. Очевидно, что ястребиные подходы потерпят провал по военным, экономическим и идеологическим причинам.

Несомненно, военные — по-прежнему самая сильная карта Соединенных Штатов; на деле, они — единственная карта. Сегодня Соединенные Штаты обладают самой крупной военной машиной в мире. И если заявлениям о новых непревзойденных военных технологиях можно верить, то в военном отношении Соединенные Штаты сегодня оторвались от остального мира значительно сильнее, чем какие-нибудь десять лет назад. Но значит ли это, что Соединенные Штаты могут вторгнуться в Ирак, быстро его победить и уста-

новить дружественный и стабильный режим? Наверяд ли. Примем во внимание, что из трех серьезных войн, которые американские войска вели с 1945 года (Корея, Вьетнам, война в заливе), одну они проиграли и две выиграли – результат не очень-то блестящий.

<...> Рассмотрим также вопрос об отношении рядовых американцев к военным неудачам. Американцы колеблются между патриотическим пылом, который оказывает поддержку всем президентам во время войны, и глубокой тягой к изоляционизму. После 1945 года патриотизм отступал всякий раз, когда росли потери. Почему сегодняшняя реакция должна чем-то отличаться? И даже если ястребы (которые почти целиком состоят из гражданского населения) глухи к общественному мнению, то американские генералы, наученные горьким опытом Вьетнама, относятся к нему совсем иначе.

А как насчет экономического фронта? В 1980-х многочисленные американские аналитики впадали в истерику по поводу японского экономического чуда. В 1990-х они успокоились, приняв во внимание известные финансовые трудности Японии. Тем не менее, после завышенной оценки темпов развития Японии американские власти теперь, кажется, впали в другую крайность, пребывая в уверенности, что Япония безнадежно отстает. По-видимому, Вашингтон теперь склонен читать японским чиновникам лекции о том, что они делают не так.

Подобное триумфаторство едва ли обосновано. Рассмотрим следующее сообщение «Нью-Йорк Таймс» от 20 апреля 2002 года: «Японская лаборатория сконструировала самый быстрый в мире компьютер. Машина настолько мощная, что ее скорость обработки данных сопоставима с двадцатью самыми быстрыми американскими компьютерами, и она далеко опережает прежнего лидера – машину, сконструированную IBM. Данное достижение... свидетельствует о том, что технологическая гонка, в которой, как полагало большинство американских инженеров, они умело одержали победу, далека от завершения». Анализ по-прежнему отмечает, что «научные и технологические приоритеты различны» в этих двух странах. Японская машина сконструирована для анализа изменений климата, а американские машины предназначены для моделирования оружия. В этом различии воплотился старейший сюжет из истории держав-гегемонов. Господствующая держава концентрирует внимание (в ущерб себе) на военной сфере; кандидат в преемники концентрирует внимание на экономике. Последнее всегда окупается сторицей. Так было и у Соединенных Штатов. Почему это не окупится и в случае Японии, возможно, в союзе с Китаем?

Наконец, существует идеологическая сфера. Сейчас американская экономика кажется относительно слабой, особенно учитывая непомерные военные расходы, связанные со стратегиями ястребов. Кроме того, Вашингтон остается в политической изоляции; практически никто (за исключением Израиля) не думает, что позиция ястребов осмысленна или заслуживает одобрения. Другие государства боятся или не хотят выступать против Вашингтона открыто, но даже их молчаливое неодобрение вредит Соединенным Штатам.

Тем не менее, американская реакция сводится к высокомерному выкручиванию рук. У высокомерия есть свои негативные стороны. Игнорировать раз-

ногласия — значит оставлять их на будущее, а угрюмое согласие порождает еще большее негодование. За последние двести лет Соединенные Штаты приобрели немалый идеологический кредит. Но сейчас Соединенные Штаты расходуют этот кредит еще быстрее, чем собственный золотой запас в 1960-х.

На протяжении следующего десятилетия Соединенные Штаты столкнутся с двумя возможностями: они могут последовать курсу ястребов с негативными последствиями для всех и особенно для себя самих. Можно представить, насколько значительны отрицательные последствия. Саймон Тисдалл из «Гардиан» недавно сказал, что, даже не принимая в расчет международное общественное мнение, «США не в состоянии провести успешную войну с Ираком в одиночку, не понеся при этом огромного ущерба, не в последнюю очередь с точки зрения своих экономических интересов и энергоресурсов. Господин Буш выступает с жесткими, но бессмысленными заявлениями». И если Соединенные Штаты все же вторгнутся в Ирак, а затем вынуждены будут уйти, это будет выглядеть еще более бессмысленным.

Возможности для выбора у президента Буша кажутся крайне ограниченными, и вряд ли можно сомневаться, что Соединенные Штаты будут становиться все менее важной силой в международных отношениях в последующем десятилетии. Вопрос на самом деле не в том, пойдет ли на убыль американская гегемония, а в том, смогут ли Соединенные Штаты придумать, как им красиво уйти, с минимальным ущербом для мира и себя самих.

Перев. с англ. Артема Смирнова